

Только вернувшись домой, Цинь Шухуань чувствовал себя нормально, и засыпал тоже без проблем, но посреди ночи его так сильно вырвало, что он едва не обезвожился, а сознание затуманилось.

Цинь Шухуань спал в своей комнате один. Во второй половине ночи ему стало плохо, но он подумал, что сможет перетерпеть. Однако накатившая волна тошноты оказалась вовсе не тем, что под силу вытерпеть ребенку из детского сада. К тому моменту, когда няня обнаружила его, Цинь Шухуань уже до того обессилел от рвоты, что у него не оставалось сил даже плакать, и он свернулся калачиком в ногах кровати, словно маленький щенок.

Врач диагностировал острый гастроэнтерит, и лишь под утро жар наконец спал.

Перенеся болезнь, Цинь Шухуань выглядел крайне слабым и вяло лежал в постели.

Когда болеют красивые дети, это всегда вызывает жалость. Цинь Шухуань даже не открывал рот, когда няня пыталась его покормить, что сильно отличалось от его обычной привычки послушно уплетать еду.

Если ребенок пропускал один прием пищи, няня еще могла потакать его капризам, но прошли сутки, а Цинь Шухуань не выпил ни капли воды, что заставляло серьезно тревожиться. Он не соглашался есть, даже когда его кормила старушка Чэнь, а лишь обнимал няню за шею и не отпускал. Температура снова поднялась, и даже пухлые детские ручки, обнимавшие няню за шею, казались горячими.

Он не пил лекарства и не ел, а просто неподвижно прятался в объятиях няни.

Цинь Цзай, вернувшись из школы, сразу увидел прильнувшего к няне Цинь Шухуаня, а расспросив обо всем, узнал, что тот заболел еще вчера и до сих пор ничего не ел.

— Совсем его избаловали, — Цинь Цзай бросил ранец на диван, забрал лекарство из рук старушки Чэнь и подошел к Цинь Шухуаню: — Мелкий Тан, пей лекарство.

Видя столь жесткий подход Цинь Цзая, старушка Чэнь не выдержала: — Ладно тебе, А-Цзай, иди наверх учись, здесь бабушка побудет.

— Вот увижу, если я не отучу его от этой дурной привычки, — Цинь Цзай поставил лекарство на стол. — Няня, посадите его на детский стул.

Няня в растерянности... бросила взгляд на старушку Чэнь. Та махнула рукой, и няне ничего не оставалось, как пересадить Цинь Шухуаня на стул.

Лишившись уютных и мягких объятий, Цинь Шухуань потерял ощущение безопасности и, вцепившись в одежду няни, принялся плакать.

— Цинь Шухуань, если ты еще хоть раз заплачешь, я насильно влью тебе все лекарство в рот.

Цинь Шухуань всхлипывая глянул на Цинь Цзая и плакать действительно перестал.

— Открывай рот.

Видя, что никто вокруг не собирается ему помогать, Цинь Шухуаню пришлось открыть рот и проглотить лекарство. Едва сделав глоток, он до того скривился от противного вкуса, что всё его лицо сморщилось в комок.

— Не смей выплевывать, глотай, — стоило Цинь Цзаю увидеть выражение лица Цинь Шухуаня, как он сразу понял, что тот собирается все выплюнуть.

Когда лекарство наконец оказалось внутри, Цинь Шухуань вроде бы даже выглядел немного бодрее. Старушка Чэнь решила развить успех и велела Цинь Цзаю покормить его.

После того как мальчик поел, у всех отлегло от сердца — оставалось только дожидаться и посмотреть, поднимется ли температура сегодня ночью. Заболев, Цинь Шухуань стал невероятно привязан к няне и протянул руки, прося взять его на ручки.

Няня только собралась его поднять, как Цинь Цзай опередил ее и сам взял ребенка на руки, бросив с крутым видом: — Эту ночь он спит со мной.

Цинь Шухуань тихонько прижался к груди Цинь Цзая, его пухлые пальчики крепко сжали краешек чужой одежды — до того сильно он чувствовал себя беззащитным.

Заметив, что Цинь Цзай, судя по всему, заснул, Цинь Шухуань молча смахнул тыльной стороной ладони слезы: ему очень хотелось к няне.

Почувствовав, что мягкое тельце в его объятиях зашевелилось, и боясь, что Цинь Шухуань снова заболел и мучается от жара, Цинь Цзай попытался погладить его по лбу, в точности как это делала няня, но неожиданно нащупал мокрое от слез лицо.

Цинь Цзай включил ночник и измерил температуру Цинь Шухуаня бесконтактным термометром: жара не было, температура оказалась в норме.

— В чем дело? Чего ревешь? Цинь Шухуань испугался, что разбудил Цинь Цзая, и, торопливо вытирая тыльной стороной ладони лицо, мокрое от слез, пролепетал:

— Прости, братик, я больше не буду плакать, не злись, пожалуйста.

В тусклом свете лампы Цинь Шухуань казался совсем крошечным. Он сидел на кровати,

вытирая слезы, и даже плакал так тихо, что едва слышно всхлипывал. Цинь Цзай нахмурился: ну и ну, одни хлопоты с этим ребенком.

Хотя он так думал, его тело действовало вопреки мыслям. Не умея толком обращаться с детьми, он все же неуклюже подхватил Цинь Шухуаня под мышки и притянул к себе.

Почувствовав тепло, исходящее от Цинь Цзая, Цинь Шухуань крепко обхватил его за шею. В его голосе все еще слышался гнусавый оттенок:

— Братик, я хочу к маме.

— Отныне ты можешь думать только обо мне. У тебя больше нет мамы, о которой можно мечтать, понял?

Цинь Шухуань прижался щекой к плечу Цинь Цзая и кивнул.

Старушка Чэнь, подслушивавшая у двери, услышав, что в комнате воцарилась тишина, обменялась взглядами с няней и тихо удалилась.

После той болезни Цинь Шухуань просидел дома больше недели. Цинь Цзай и старушка Чэнь установили строгий контроль над его питанием: ему не давали ни крошки чего-то вредного, даже спрятали шоколад — его единственное лакомство.

Лишившись ежедневной порции шоколада, Цинь Шухуань был вне себя от горя и за едой стал постоянно капризничать.

Цинь Цзай, сидевший за столом, наблюдал, как Цинь Шухуань смотрит на миску с рисом, словно на заклятого врага, и постучал пальцами по спинке стула:

— Ешь.

— Братик, шоколад.

Цинь Цзай с бесстрастным лицом произнес слова, которые повергли Цинь Шухуаня в еще большее отчаяние:

— С сегодняшнего дня перед едой ты больше не будешь получать шоколад. Если из-за его отсутствия ты откажешься есть, то будешь ходить голодным.

Цинь Шухуань повернулся к старушке Чэнь в надежде на помощь:

— Бабушка, шоколад...

— Кого бы ты ни просил, это не поможет.

У Цинь Шухуаня из глаз хлынули слезы. Он уткнулся лицом в ладошки и, тихонько поскуливая, продолжал отказываться от еды.

— А-Цзай, нужно действовать постепенно. Если так резко лишить Тан-тан шоколада, он неизбежно будет плохо себя чувствовать. К тому же врач сказал, что это острая кишечная инфекция, он не говорил, что она случилась из-за шоколада.

Старушке Чэнь было невыносимо видеть, как мучается Цинь Шухуань. Такой крошечный, сидящий в огромном стуле, с пухлыми щечками и длинными ресницами, на которых дрожали слезинки, — ее сердце не выдержало.

— Это не поможет! Ешь, — Цинь Цзай остался непреклонен перед жалобным видом Цинь Шухуаня.

Цинь Шухуань, не дождавшись шоколада, действительно не съел ни кусочка, что даже старушку Чэнь заставило пересмотреть свое мнение.

Покончив с обедом, Цинь Цзай увидел, что Цинь Шухуань так и не притронулся к еде, и велел няне убрать тарелки.

К ужину ситуация повторилась: Цинь Шухуань снова не съел ни ложки.

Старушка Чэнь не выдержала, достала из шкафчика шоколад и, развернув его, хотела дать ребенку.

Цинь Цзай строго одернул ее:

— Бабушка, нельзя.

— Тан-тан только переболел, если он не поест, то будет поправляться медленнее. А-Цзай, ты не можешь все делать только так, как хочется тебе.

Цинь Шухуань наблюдал за перепалкой взрослых. Шоколад так и не приближался к его рту, и он, не выдержав, потянулся к нему рукой.

— Тан-тан, если посмеешь съесть, можешь попробовать, что будет, — донесся угрожающий голос Цинь Цзая. Но Цинь Шухуань был слишком мал, чтобы понять серьезность угрозы, и, схватив шоколад, тут же сунул его в рот.

Увидев это, Цинь Цзай молча снял его со стула. Старушка Чэнь, испугавшись, что Цинь Цзай

накажет мальчика, бросилась наперерез, но глупыш Цинь Шухуань, ни о чем не подозревая, вприпрыжку побежал за Цинь Цзаем в комнату, зажав шоколад в руке. Следом за ними раздался щелчок закрывающейся на замок двери.

<http://bllate.org/book/21844/2264881>